
ВОЛЬТЕР
Философские повести

Случай с памятью

Вольтер

Аннотация
Вольтер. Случай с памятью

Аннотация

Из огромного художественного наследия Вольтера наиболее известны "Философские повести". Писатель блистательно соединил традиционный литературный жанр, где раскрываются кардинальные вопросы бытия, различные философские доктрины, разработанные в свое время Монтескье и Дж.Свифтом, с пародией на слезливые романы о приключениях несчастных влюбленных. Как писал А.Пушкин, Вольтер наводнил Париж произведениями, в которых "философия заговорила общепонятным и шутливым языком".

Современному читателю предоставляется самому оценить насмешливый и стремительный стиль Вольтера.

Вольтер
Случай с памятью

Мыслящая часть рода человеческого, другими словами, самое большее одна стотысячная рода человеческого долгое время полагала или, во всяком случае, постоянно твердила, что все наши представления порождаются нашими ощущениями и что память — единственный источник, позволяющий нам связать воедино две мысли или два слова.

Вот почему Юпитер, представитель природы, с первого же взгляда влюбился в Мнемозину, богиню памяти; от их союза родились девять муз, изобретательниц всех искусств.

Это положение, на котором зиждутся все наши знания, было принято решительно всеми, и даже Нонсобра [1] усвоила его, как только родилась, хотя оно и было истиной.

Немного спустя появился некий опровергатель [2], полугеометр, полусумасброд, и принялся отрицать пять наших чувств и память; он стал говорить незначительной мыслящей части рода человеческого; «До сей поры вы заблуждались, ибо чувства ваши бесполезны, ибо идеи были

---

[1] Примечания: 1

Нонсобра — анаграмма Сорбонны.

[2] Примечания: 2

Вольтер имеет в виду французского философа-рационалиста Рене Декарта.

соприсущи всем, прежде чем ваши чувства могли проявить себя, ибо при появлении на свет вы уже были наделены всеми необходимыми понятиями; вы все знали, еще ничего не почувствовав; все ваши мысли, родившись вместе с вамп, уже находились в распоряжении вашего мышления, именуемого душою, и не нуждались в памяти. Память ни к чему».

Нонсобра осудила это утверждение — не потому, что оно казалось нелепым, а потому, что оно было ново; впоследствии, однако, когда некий англичанин [3] принялся доказывать, и даже довольно пространно, что врожденных идей нет, что пять внешних чувств совершенно необходимы, что память весьма способствует удержанию всего, воспринятого пятью чувствами. Нонсобра осудила свое собственное мнение, потому что оно стало мнением англичанина. В итоге она предписала роду человеческому отныне верить во врожденные идеи и не верить больше в пять чувств и в память. Род человеческий, вместо того чтобы подчиниться Нонсобре, стал издеваться над нею, а она до того разгневалась, что задумала одного философа сжечь. Ибо этот философ

---

[3] Примечания: 3
Имеется в виду Джон Локк.

заявил, что невозможно получить подлинное представление о сыре, если его не увидишь и не полакомишься им, а этот негодяй осмелился даже утверждать, будто ни мужчины, ни женщины никак не могли бы стать шпалерными мастерами, не будь у них игл и пальцев, чтобы иглами пользоваться.

Лиолисты [4] впервые за все свое существование присоединились к Нонсобре, а сеянисты [5], смертельное враги лиолистов, на время объединились с ними. Они приземли на помощь бывших дикастериков [6], слывших глубокими философами, и вкупе с ними, прежде чем умереть, осудили как память и пять внешних чувств, так и автора, хорошо отозвавшегося об этих шести понятиях.

Когда эти господа выносили свое суждение, среди них оказался конь, хотя он был и другой породы и хотя между ним и дикастериками имелось немало различий, как, например, в строении, голосе, шерсти и ушах; конь этот, говорю, наде-

---

[4] Примечания: 4

Лиолисты — анаграмма лойолистов, то есть последователей Лойолы, основателя ордена иезуитов.

[5] Примечания: 5

Сеянисты — анаграмма янсенистов.

[6] Примечания: 6

Дикастерики — Так Вольтер называет членов парламента, судебного органа и органа городского самоуправления в феодальной Франции.

ленный и разумом, и пятью чувствами, рассказал в моей конюшне обо всем происшедшем Пегасу, а Пегас с обычной своей; живостью передал его рассказ музам.

Музы, уже сто лет особенно покровительствовавшие стране, которая долгое время пребывала в варварстве [7] и где имела место эта сцена, пришли в негодование; они нежно любили свою мать Память, пли Мнемозину, которой девять дочерей обязаны всеми своими знаниями. Неблагодарность людей возмутила их. Они не стали сочинять сатир против быбших дикастериков, лиолистов, сеянистов и Нонсобры, потому что сатиры никого не исправляют, а только озлобляют дураков, и те становятся еще злее. Они придумали способ, как, наказав, просветить и вместе с тем покарать их. Люди оскорбили Память; музы отняли у них этот дар богов, чтобы они хорошенько поняли, как быть без ее помощи.

И вот случилось, что в одну прекрасную ночь у всех мозги размякли, так что на другое утро люди проснулись, решительно не помня прошлого. Несколько дикастериков, лежавших со своими женами в кровати, вздумали было приблизиться

---

[7] Примечания: 7
Вольтер имеет в виду Францию.

к ним в силу инстинкта, независимого от памяти. Женщины, которые редко по инстинкту обнимали своих мужей, с негодованием отклонили их отвратительные ласки. Мужья разозлились, жены подняли крик, и многие супружеские пары передрались.

Мужчины схватили ночные колпаки и воспользовались ими для некоторых нужд, удовлетворение коих обходится без помощи памяти и здравого смысла. Дамы с той же целью воспользовались вазами с туалетных столиков. Слуги, позабыв о своих обязанностях в отношении господ, появились в их комнатах, даже не сознавая, где они находятся. Но так как человек от природы любопытен, они полезли во все ящики, а так как человеку свойственно любить блеск серебра и золота, не нуждаясь при этом в памяти, они хватали все, что попалось им под руку. Хозяева хотели крикнуть: «Держите вора»,– но понятие вора исчезло из их мозгов, и этого слова они никак не могли вспомнить. Все забыли слова и издавали одни лишь неразборчивые звуки. Это было куда хуже, чем при вавилонском столпотворении, ибо там каждый сразу выдумывал новый язык. Врожденная чувственность так сильно проявлялась у молодых лакеев, что эти наглецы

в исступлении бросались на первых попавшихся женщин и девушек, будь то кабатчицы или президентши, а последние, позабыв об уроках стыдливости, предоставляли им действовать беспрепятственно.

Настало время обедать; теперь никто не знал, как за это взяться. Никто не ходил на базар ни чтобы купить что-либо, ни чтобы продать. Слуги вырядились а господское платье, а хозяева — в лакейское. Все ошалело рассматривали друг друга. Те, что посмекалистее (а именно простолюдины), еще кое-как перебивались, у других же не было решительно ничего. Первый председатель, архиепископ ходили совсем голые, а их конюхи красовались кто в красных мантиях, кто в ризах? все смешалось, все готово было погибнуть от нищеты и голода, ибо никто не понимал друг друга.

Немного погодя музы сжалились над этим несчастным отродьем; они добрые, хоть иной раз и являют дурным людям свой гнев; поэтому они умолили свою мать возвратить хулителям память, которую она отняла у них. Мнемозина снизошла в царство противоречий, где так дерзко поносили ее, и обратилась к ним со следующими словами:

«Прощаю вас, дураки. Но помните: без пяти

чувств нет памяти, а без памяти нет ума».

Дикастерики поблагодарили ее довольно сухо и постановили, что ей будет сделан выговор. Сеянисты описали весь этот случай в своем журнале [8]; тут стало явно, что они еще не вполне исцелились. Лиолисты воспользовались поводом для придворной интриги. Мэтр Кожэ [9], вконец ошеломленный этим приключением и ничего в нем не поняв, предложил своим ученикам следующую превосходную аксиому: «Non magis musis quam hominibus infesta est ista quae vocatur memoria» [10].

---

[8] Примечания: 8

Имеется в виду журнал «Церковные новости»;

[9] Примечания: 9

Кожэ Франсуа-Мари (1723 — 1780) — профессор латинской риторики в коллеже Мазарини, затем ректор Парижского университета. В 1772 г. Кожэ предложил тему на премию по латинскому красноречию: «То, что теперь называется философией, не менее противно королям, чем Богу»; но он допустил небольшую грамматическую ошибку, в чем был тут же пойман Вольтером, который предложил читать эту фразу Кожэ так: «То, что теперь называется философией, не более противно Богу, чем королям».

[10] Примечания: 10

То, что зовется памятью, не враждебно ни людям, ни музам (лат.).